«...Все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, глубоко освоив энергию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии».

Эти слова написаны великим писателем.

Как мог он, друживший с Лениным, не увидеть, что между Владимиром Ильичем и Сталиным — пропасть! Какими средствами «вождь народов» добился у писателя признания своего величия, верности проводимого им курса! Какая «энергия заблуждения» лежит в основе этой исторической драмы — отношений Сталина с Горьким! Об этом исследование литературоведа Вадима Баранова, сокращенный вариант которого публикуется сегодня (полностью — в книге «Огонь и пепел костра», которая выйдет в Горьком в 1990 году).

Вадим Баранов

«Да» и «нет» Максима Горького

ГЛУБОКОЙ осенью 1921 года Горький выехал за границу. Выехал с тяжким грузом на душе... Жил и лечился в Германии, потом поселился в Италии. Получал из России множество газет и журналов, в доме постоянно обитали люди, приезжавшие оттуда, и он внимательно вчитывался и еще более жадно вслушивался в вести с Родины: что будет со страной?

Страна выжила, строилась, крепла. Но многое вызывало неприятие Горького, а порой — резкий протест. Так, он был решительно не согласен с изъятием из библиотек книг философов идеалистического направления, многие идеи которых казались ему заслуживающими внимания. Однажды Горький так разгневался на «пуризм» Наркомпроса, что чуть не подал ходатайство о снятии с себя советского гражданства. Впрочем, иные и без того считали его эмигрантом. Маяковский так и писал в нашумевшем «Письме писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому: «Горько думать нам о Горьком-эмигранте».

Ну какой же он эмигрант! Кого, как не его, время от времени начинала бешено травить белогвардейская пресса. Яблоновский, например, назвал очерк о Ленине величайшим преступлением в истории русской печати.

Отношения с Лениным... Очень непростыми были они. Знавшиеся с 1905 года, со времен «Новой жизни», первой легальной газеты большевиков, единомышленники-революционеры, друзья, они резко разошлись в 1917-м. На страницах другой «Новой жизни» было опубликовано много его полемических статей, составивших цикл «Несвоевременные мысли».

Революция победила. Но каких колоссальных жертв потребовала она от народа, и прежде всего от интеллигенции! Окупятся ли когда-нибудь эти жертвы?..

Несмотря на то, что многое в жизни страны было непонятно Горькому и вызывало вопросы и недоумения, теперь, спустя несколько лет, тянуло туда все сильней и сильней. Хотелось своими глазами посмотреть, как меняется Россия, как меняется русский человек.

Пожалуй, сейчас уже отпадают некоторые препятствия на пути домой — из тех, что и приводили к отъезду тогда, в 1921-м. Крайне сложно и болезненно складывались после революции его отношения с Г. Зиновьевым, господствовавшим в Петрограде. А что и в каком тоне писал Л. Троцкий о нем и очерке о Ленине! «Статьи, писанные Горьким, не удовлетворили меня совсем. Горький не понимал Ильича и подходил к нему с той интеллигентской слащавостью, которая свойственна Горькому в последние годы» («Известия», апрель 1924 г.). Не лишенный литературного дарования, Л. Троцкий неизменно держался высокомерно, всячески подчеркивая, что знает себе цену и что эту цену должны хорошо усвоить другие.

Теперь Г. Зиновьев был «одернут» в ходе партийных дискуссий, а Л. Троцкий, тот вообще потерпел сокрушительное политическое поражение. В декабре 1927 года его исключили из партии, выдворили из Москвы, а затем и из страны. Говорят, оказался он где-то не так уж далеко, на берегу Мраморного моря. Но мысль о том, что кто-то мог воспринимать их обоих как изгнанников, не могла принести удовлетворения...

Все больше возможностей возникало у Сталина для гигантского плана преобразования жизни страны, все меньше оставалось оппонентов. Сейчас, как никогда раньше, нужна была помощь. Помощь от влиятельных людей, не входящих в партию, но своим авторитетом осеняющих его, Сталина, начинания.

Как Горький мог отнестись к великому плану преобразования деревни, встречающему такое сопротивление со стороны Бухарина?

Вот уже в который раз Сталин листает нашумевшую в свое время брошюру Горького «О русском крестьянстве», которую выпустил Иван Ладыжников в Берлине в 1922 году. Да, мягко говоря, не очень симпатичен Горькому русский мужик, если писатель так старательно подчеркивает в жизни деревни дикость, жестокость, отсутствие созидательного начала. Такую деревню Горький защищать не будет.

Сложнее с интеллигенцией. В годы гражданской войны Горький все время защищал ее и договаривался бог знает до чего. Но если он столкнется с неправильными действиями самой интеллигенции, скажем, с фактами вредительства, он сможет изменить отношение к ней...

Пожалуй, пришла пора возвращать Горького. И пусть люди скажут: «Когда уехал Горький? Горький уехал при Ленине, уехал, потому, что не мог оставаться. Когда вернулся Горький? Горький вернулся при Сталине. Вернулся, потому что не мог не вернуться!»

Что нужно для этого? Для этого нужно решить две задачи. Первая — показать Горькому, как его любят в Советской России. Вторая — как он, писатель, организатор литературных сил, необходим Советской России

Но всякое дело требует организации, так сказать, кадрового обеспечения. Кому персонально можно поручить это дело огромной важности?

Лучше, если этот человек будет знакомым Горького. Тогда все сведения, исходящие от него, Алексей Максимович станет воспринимать с большей доверительностью. Неплохо, если он из тех, кто общался с Лениным...

Он позвонил секретарю.

— Подготовьте мне личное дело Халатова.

Итак, Халатов Артемий Багратович. Год рождения 1896-й. В партию вступил в 1917-м. После революции — член коллегии Народного комиссариата по продовольствию, потом начальник продовольственного снабжения Красной Армии. Это не то... А вот и то, что нужно. Осенью 1921 года Ленин создает Цекубу и делает ее председателем Халатова. Вот здесь-то, очевидно, он и познакомился с Горьким.

В июле 1927 года решением Совнаркома Халатов был назначен председателем правления Государственного издательства (Госиздата).

В АВГУСТЕ 1927 года в Сорренто на виллу «Иль-Сорито» почта доставила из России небольшую бандероль. Получал Горький корреспонденцию в изобилии, но эта бандероль оказалась и неожиданной, и приятной. Небольшая книжечка, названная весьма непритязательно, чисто по-деловому: «Отчет о деятельности Цекубу за 5 лет (1921—1926 гг.)». Прислал А. Халатов.

Сколько воспоминаний всколыхнула она! Воспоминаний, вышибающих слезу... Он тогда почти ничего не писал. Разве что прошения в разные инстанции. Чтобы выделяли писателям и ученым пшено и воблу, дрова, чтобы не притесняли с жильем, чтобы было на что жить...

Трудное, тяжкое было время, но теперь он мог вспомнить о нем с чувством выполненного долга. Интеллигенция — мозг нации, и он тогда делал все, что было в его силах, чтобы помочь ей выжить. 10 октября 1927 года Горький отвечал Халатову: «Лично Вы, дорогой друг, в эти героические годы были неутомимым пестуном и «кормильцем» ученых. Вы навсегда связали Ваше имя с Цекубу...»

Еще раньше, 1 сентября, Халатов пустил «пробный зонд» относительно исполняющегося «в эти дни» 35-летия творческой деятельности Горького. Выразил свое восхищение писателем, пожалел: «В эти дни нет Вас здесь у нас, в Москве, чтобы иметь возможность в близко товарищеской обстановке (торжественная обстановка Вам всегда была чужда) провести эти дни».

12 октября под заголовком «Привет Горькому» в «Известиях» была опубликована телеграмма по случаю юбилея, выражающая «твердую уверенность», что это не только дата, итожащая пройденный путь, но и связующее звено между ним и дальнейшим сотрудничеством с ГИЗом и «Известиями» в деле служения трудящимся массам СССР. Телеграмму подписали Халатов и Скворцов-Степанов, редактор «Известий».

Халатов сообщал, что создана комиссия для чествования писателя в связи с 35-летием литературной деятельности и 60-летием со дня рождения. В комиссию были включены Н. Бухарин, М. Томский, И. Скворцов-Степанов, А. Луначарский, Я. Ганецкий, П. Смидович, М. Покровский, А. Халатов.

Получилось так, что тотчас вслед за письмом Халатова в Неаполь прибыл Я. Ганецкий и имел с Горьким продолжительные беседы...

Вспомнил Горький во время разговора с Ганецким, что первым речь о юбилее завел именно он еще в 1926 году. Тогда из Италии ответ послан был такой: «на кой черт» нужен этот юбилей. Предстоит другой, десятилетний (Горький имел в виду юбилей Октября). И состав комиссии намечался тогда другой. Теперь в нее не вошли Рыков, Енукидзе, Смилга... Сначала Горький не придал этому значения, но позже понял: вокруг идеи его возвращения развертывалась какая-то борьба. А еще Горький писал Ганецкому тогда, в 1926-м, после смерти Дзержинского: «Очень тревожно за всех вас, дорогие товарищи... На душе — беспокойно и тяжело. Писать не хочется ни о чем, а надо вот писать о 35-летнем юбилее...»

Юбилей...

Он терпеть не мог славословия, да еще в концентрированном виде. Уклонялся от чествований... Как-то весь день рождения запоем читал Сергеева-Ценского.

Что удивляло на этот раз? 35-летие литературной деятельности отмечалось месяц назад в октябре! Похоже, теперь, подключая 35-летие работы к предстоящему 60-летию со дня рождения, хотят поднять второй юбилей на какой-то новый уровень...

Предчувствие не обмануло Горького. В начале 1928 года специальные решения по поводу проведения юбилея вынесли коллегии Наркомпроса и Главполитпросвета. Затем — профсоюзы и комсомол. Юбилейные комиссии начали создавать повсеместно: в Минске и Хабаровске, Пскове и Грозном, Твери и Тбилиси, Ереване и Иваново-Вознесенске.

23 февраля «Известия» опубликовали сообщение о том, что Наркомпрос ходатайствует перед руководством о присвоении звания заслуженного деятеля искусств М. Горькому, а также Д. Бедному, А. Серафимовичу, С. Подъячеву. Итальянская газета «Трибуна» не замедлила перепечатать это сообщение, снабдив его многозначительным заголовком: «Русское правительство Максиму Горькому».

А. Халатову 5 марта 1928 г. Горький писал: «...Итальянские газеты печатают, что мне дано звание «заслуженного писателя» или что-то в этом роде. Сим извещаю юбилейный комитет, что я решительно отказываюсь от всяких чинов и наград, в какой бы форме они ни были предложены мне. Я имею уже высшую награду, о которой может мечтать литератор,— награду непосредственного общения с моим читателем...»

В связи с 60-летием Горький получил несметное количество поздравлений от учреждений, организаций, от трудящихся, от друзей. По всей стране газеты и журналы опубликовали статьи и очерки о его жизни и творчестве. Юбилей Горького праздновала вся Европа. Свыше 50 зарубежных писателей составили коллективный «Альбом-адрес». Свои приветствия и поздравления прислали в нем Ромен Роллан и Бернард Шоу, Арнольд Цвейг и Томас Манн, Лион Фейхтвангер и Джон Голсуорси, Генрих Манн и Герберт Уэллс, Стефан Цвейг и Эптон Синклер...

Среди всех приветствий было одно, имевшее совершенно особый, можно сказать, директивный характер,— это постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 марта: «Максим Горький не только как писатель, но и как революционный деятель принимал личное участие в революционном движении... Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет ознаменовать настоящим актом огромные заслуги Алексея Максимовича Пешкова перед рабочим классом и перед Союзом Советских Социалистических Республик». («Правда», 30 марта 1928 г.).

ТУДА, домой, тянуло все сильней. Первый раз Горький приехал в Советскую Россию из Италии в мае 1928 года. Потом — в 1929, 1931, 1932, 1933 годах будет приезжать в мае, примерно в одни и те же дни, и уезжать обратно, прожив пять месяцев плюс-минус несколько дней. (Поэтому не совсем точны утверждения о том, что Горький окончательно вернулся на Родину в 1928 году).

Когда встал вопрос о месте его постоянного жительства, очень он был обеспокоен дошедшими слухами и с присущей ему иронией писал своему секретарю из Сорренто: «...приехала Милиция и сообщила, что для Горького ремонтируется какой-то дворец или Храм на берегу Москвы-реки, точно она не знает. Но я совершенно точно знаю, что мое поселение во дворце или храме произведет справедливо отвратительное впечатление на людей, которые, адски работая, обитают в хлевах. Это будет нехорошо не только для меня. По сей причине я убедительно прошу: вопроса о вселении моем во дворец не решать до моего приезда».

Собираясь в Россию и задумывая книгу о ней, он сообщал домой о том, что хочет проехать по местам своих былых путешествий. «Мне необходимо побывать — невидимым — на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т. д. и т. д.».

Все сбылось во время его поездок по стране, побывал он везде, но... не в том качестве, в каком ему хотелось.

На станции Негорелое, куда прибыл поезд «Берлин—Москва», состоялся митинг. Приветствовали правительственные делегации Белоруссии и Москвы — во главе с И. Скворцовым-Степановым. Пришлось выступать с ответной речью. То же и в Минске, ночью. Вокзал и все прилегающие улицы были заполнены толпами возбужденных людей. Опять речь... В Москве 28 мая на перроне Белорусского вокзала в честь высокого гостя был выстроен почетный караул. Прибыли руководители партии и правительства Н. Бухарин, К. Ворошилов, С. Орджоникидзе, А. Луначарский, Е. Ярославский, М. Литвинов, А. Бубнов, писатели, ученые, деятели искусства, бесчисленные делегации от фабрик и заводов.

Горький побывал в Курске, на Украине, в Азербайджане, Грузии, Крыму, совершил поездку вверх по Волге от Сталинграда до родного Нижнего... Обилие интереснейших впечатлений. Встречи. И речи!

В следующем, 1929 году М. Горький путешествует по стране вновь: от Соловков на севере до абхазских селений на юге. Он посещает фабрики и заводы, железнодорожные мастерские и детские колонии, совхоз «Гигант»...

Жадность Горького ко всему новому была воистину неуемна. Нагрузка, которую он взваливал на свои костлявые плечи, столь велика, что в сентябре по пути из Тифлиса во Владикавказ у него горлом хлынула кровь. Путешествие пришлось прервать...

Еще в Москве в 1928 году он почувствовал: встречи приобретают такой характер, что не дают возможности узнавать жизнь вне ее официального обличья. Спустя месяц после возвращения, устав от митингов и приветствий, переоделся, надел парик, загримировался и так ходил по Москве, заглядывал в чайные, обедал на вокзале.

Но что грим? Он еще не предполагал, что над его подлинным монументальным портретом идеолога и руководителя литературной жизни начала работу совсем другая Рука.

Увлеченный многообразием впечатлений, он, вдумчивый аналитик событий, тончайших движений человеческой души, в какой-то момент «сдался», понял, что «сопротивление» бесполезно, от многолюдства никуда не денешься. И не предполагал, что между тем, о чем рассказывают люди во время теперешних организованных встреч, и тем, что могли бы сказать они же в разговоре наедине, по душам, есть большое, все нарастающее несовпадение. Путешествия превращались в демонстрацию того, что значилось на обложке редактируемого им журнала: «Наши достижения...». Незаметно для себя он так сжился с этим монументальным пейзажем, пафос преобразований был так ему по душе, что по возвращении в Италию он пришел к выводу: печать недостаточно внимания уделяет новому, положительному, отдает предпочтение изображению недостатков.

29 ноября 1929 г. он пишет об этом Сталину. Сталин молчал довольно долго. 21 декабря Горький поздравил его с 50-летием, послав суховатую, лаконичную телеграмму — скорее не поздравление, а напоминание о себе: «Поздравляю. Крепко жму руку. Горький».

Ответ в Италию пришел только 17 января 1930 года.

«Мы не можем без самокритики,— писал вождь.— Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса. Конечно, самокритика дает материал врагам... Но она же дает материал (и толчок) для нашего продвижения вперед, для развития строительной энергии трудящихся... Отрицательная сторона покрывается и перекрывается положительной». «...Не у всякого,— продолжал Сталин,— хватает нервов, силы, характера, понимания воспринять» картину грандиозной ломки старого и лихорадочной стройки нового, как картину должного и, значит, желательного, мало похожую к тому же на райскую идиллию «всеобщего благополучия», долженствующую дать возможность «отдохнуть», «насладиться счастьем». Понятно, что при такой «головоломной сутолоке» у нас не может не быть усталых, издерганных, изношенных, отчаявшихся, отходящих, наконец,— перебегающих в лагерь врагов. Неизбежные «издержки» революции».

Осмысляя сегодня диалог политика и художника, мы начинаем осознавать, что в одни и те же понятия они вкладывали не совсем одинаковое содержание. Казалось бы, кто, как не Сталин, был заинтересован в том, чтобы демонстрировать своему народу и всему миру достижения страны как следствие его мудрого руководства?

Увеличить поток положительной информации, полагал Сталин, не составляет труда. Гораздо важнее привить людям мысль о том, что «грандиозная ломка старого» неизбежно влечет за собой трудности, издержки, и нечего настраиваться на райскую идиллию. Народ должен быть готов к тому, чтобы появление материалов, разоблачающих нытиков, а уж тем более «перебегающих в стан врагов», не было неожиданным. Ну а уж разоблачение самих врагов — тем более.

И вот уже Горький пишет: «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями,— против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда естественный вывод: если враг не сдается,— его истребляют». («Если враг не сдается — его уничтожают». «Правда», 1930, 15 ноября. В тот же день под названием «Если враг не сдается — его истребляют» — «Известия»).

Статья Горького оставляла горестный след в сознании всех, кто вдумывался в события, развертывавшиеся в стране. Фраза становилась крылатой. Но она, увы, парила вовсе не как гордый буревестник, возвещавший перемены к лучшему, а как черный ворон — вестник беды. Позднее не случайно ею станут оправдывать свои беззакония персонажи романов В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», рассказа В. Тендрякова «Хлеб для собаки»... Отторжение ее прозвучит и в лирике Б. Слуцкого...

В обширнейшем горьковском эпистолярии переписка с Халатовым по своей обширности, обилию поднимаемых в ней вопросов о работе издательства, целого ряда печатных органов занимает ведущее место.

В обилии разного рода дел, начинаний, инициатив и т. д., с которыми А. Халатов «выходил» на Горького, одних он просто касался как бы мимоходом, но для Сталина они имели куда большее значение, чем количество изданий, тиражи и т. д.

По характеру своей деятельности Халатов часто общался со Сталиным, и тот внимательно следил за всем, что отражало настроения Горького. И вот 8 июля 1930 г. Халатов пишет Горькому: «Мне на днях тов. Сталин посоветовал послать Вам материал «К отчету ЦКК ВКП(б)», составленный ОГПУ,— о работе вредителей, так как, по его словам, Вы сейчас работаете по этому вопросу».

Недавно состоялось «шахтинское дело» (начало 1928 г.), в 1930 г. была разоблачена «Промпартия»...

Как отнесся Горький ко всем этим «материалам»? Подобно многим, он верил им. А поверив, как писатель и человек, ненавидевший ложь и предательство,— негодовал. «Отчеты о процессе подлецов читаю и задыхаюсь от бешенства»,— сообщал он Л. Леонову 11 декабря 1930 г.

Опираясь на материалы, опубликованные в печати и присланные по указанию Сталина, Горький начал писать пьесу «Сомов и другие», разоблачающую претензии технической интеллигенции на руководящую роль в обществе.

Работа над пьесой шла туго, а жизнь двигалась стремительно. «Вредителей» в стране становилось все больше. Халатов — Горькому 8 марта 1931 г.: «Процесс меньшевиков близится к концу. Судебное следствие вскрыло отвратительную, гнусную картину вредительской, интервенционистской работы так называемых специалистов. Вслед за этим, видимо, настает очередь за группой Кондратьева — Чаянова, лицо которых в достаточной степени выявилось на двух последних процессах. Не используете ли Вы этот богатый материал о вредительстве для Вашей пьесы?»

Как об очередной «акции» о деле Чаянова — Кондратьева Халатов пишет в разгар процесса над «меньшевиками» не случайно. В это время Чаянов уже находился под арестом. Однако открытого процесса по делу так называемой Трудовой крестьянской партии Сталин решил вообще не проводить. Приговор по делу ТКП был вынесен коллегией ОГПУ 26 января 1932 г. Впоследствии выяснилось, что никакой Трудовой крестьянской партии не существовало вообще, а свыше 1.000 человек, арестованных за принадлежность к ней, были реабилитированы.

И в это время Горький в письме к Халатову делает поразительную по нашим нынешним представлениям приписку (она не вошла в опубликованный текст): «Как великолепно развертывается Сталин!»

И тем не менее при жизни Горького пьеса «Сомов и другие» не была ни поставлена, ни опубликована, а в беседе с драматургом Афиногеновым, гостившим у него в Сорренто весной 1932 г., он признался: «Пьеса моя о вредителях не вышла...» Так же, впрочем, как не вышла пьеса о кулаке...

Бурная переписка с Халатовым тем временем продолжалась. И вот наконец настал момент для «включения» Горького в осуществление главной цели Сталина. В январе 1932 г. Халатов пишет: «Материалы для биографии И(осифа) В(иссарионовича) мы Вам послали, напишите мне — не нужны ли вам какие-либо еще материалы, и когда думаете нам ее дать».

Горький был теперь так крепко связан с СССР обилием самых разнообразных культурно-издательских дел, что вопрос о его возвращении на родину в сущности был решен.

А Халатов — он Сталину больше был не нужен. 11 апреля 1932 года печать сообщила о назначении нового заведующего ОГИЗом М. Томского.

В 1938 г. Халатов был репрессирован. Покончил самоубийством и его преемник... Так окончилась «миссия» Халатова.

В жизнь Горького Сталин включал новых людей. И теперь уже можно было не прибегать к дипломатическим приемам.

ПЯТЬ лет назад уже было чествование по случаю 35-летия литературной деятельности Горького. Теперь, в 1932-м, задумали повторить то же в связи с 40-летием. Может, где-то уже составлен и дальнейший план по пятилеткам, как в народном хозяйстве? И сколько еще пятилеток в запасе у него?

А работать так хочется! Сентябрьским днем 1932 года, в день юбилея, Горький, как всегда, уединился в своем кабинете до обеда.

В столовой юбиляр появился мрачный.

— Вы здоровы? — с тревогой спросили его.

— Я зол,— ответил он коротко и решительно выразил неодобрение по поводу шквала почестей, обрушившихся на него.

Московскому Художественному театру присвоили его имя. В столице переименовали Тверскую. Учредили Литературный институт и степендии его имени. Учинили торжественное заседание в Большом театре. Везде и всюду проводят собрания. Выпускают специальные номера газет, шлют приветствия... Есть приветствия от ЦК ВКП(б), СНК.

Есть и вот это: «Дорогой Алексей Максимович! От души приветствую Вас и крепко жму руку. Желаю Вам долгих лет жизни и работы на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса...»

Вот и профсоюзы желают того же, что Сталин: «...пусть же долгие годы звучит твой голос грозой для врагов пролетариата...»

Страх... Враги...

Наконец, награжден он высшим орденом, носящим имя человека, которого он так любил и о котором все чаще и как-то по-новому начинал задумываться теперь... Орден Ленина вручил Горькому 27 октября М. И. Калинин, а через день, 29 октября, писатель выехал в Италию. Выехал, несмотря на то, что в тот день открывался первый пленум оргкомитета Союза советских писателей, почетным председателем которого он был избран.

Все-таки: почему у нас ни в чем не знают меры? Ну неужели не ясно, что МХАТу, если уж присваивать чье-то имя, так имя Чехова! Но больше всего возмутила его история с переименованием родного города. Как он просил Сталина, как умолял не делать этого! Тот развел руками: «Алексей Максимович, дорогой! Ну, конечно, мнение руководителей в нашей стране кое-что значит. Но главное все же — воля народных масс!»

Горькому было известно, что из Нижнего приходили соответствующие ходатайства трудящихся. Но пусть не считают его таким уж профаном, который не знает, как это делается. Во всяком случае родным и близким он запретил в разговоре называть Нижний Новгород по-новому.

До сих пор Горький не очень-то задумывался над переименованиями. Просто не было повода. А теперь повод возник. Когда имена политиков или деятелей культуры дают новым городам — куда ни шло. Но зачем же стирать из памяти поколений прошлое, откуда все и берет начало?.. Вот только что Новокузнецк превратился в Сталинск. Раньше Душанбе — в Сталинабад, Царицын — в Сталинград, Донецк — в Сталино. А теперь Нижний Новгород стал Горьким. Горький как бы оказался рядом со Сталиным.

Были и другие причины, которые пробуждали в нем несогласие с началом кампании переименований. Люди должны понять, что история Отечества имеет поистине гигантское значение для воспитания новой личности. Горький неизменно, настойчиво подчеркивал это в бесчисленных письмах, в устных выступлениях, статьях. По его инициативе создаются «История фабрик и заводов», «История деревни», «История молодого человека», рождается серия «Жизнь замечательных людей».

«Знание прошлого,— подчеркивал он,— необходимо для того, чтоб молодежь научилась думать исторически. Исторически думать — это значит понимать жизнь как процесс непрерывного воплощения трудовой энергии в производство всего того, что называется материальной культурой. Исторически думать — это значит понимать, как вслед за работой создания материальной культуры и на ее почве возникла и развивается умственная, интеллектуальная культура...»

Художник-новатор, Горький среди современников глубже, чем кто-либо, осознавал необходимость сохранения преемственности историко-культурных национальных традиций.

Совершенно с иных позиций подходили к истории Сталин и его окружение. Новое надо строить вопреки проклятому прошлому. Прошлое — это средоточие пороков, насилия, зла... Россия — тюрьма народов. Лишь после Октября начинается новая, светлая полоса развития страны (теперь-то мы отлично разобрались, что было драматической реальностью, а что пропагандистской мишурой, и как опыт «тюрьмы народов» в новых условиях мог использовать Сталин).

Писатели, полагал Сталин, очень капризный народ. Горький не исключение. Ему оказана такая честь, а он противится, ставит всех в неловкое

(Окончание на 10-й стр.).

● *Фрагмент картины Анатолия Яр-Кравченко «А. М. Горький читает И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову свою сказку «Девушка и Смерть». (Холст, масло. 1941 г.).*